

М. И. МИХАЙЛОВ

Человек и его бытие в пьесе М. Горького «На дне» как философская проблема*

Проблема человека, человеческого бытия — важная, ключевая проблема философской мысли как прошлого, так и настоящего. <...> Особое место ей принадлежит в творчестве М. Горького, в частности, в его пьесе «На дне», которая <...> во многом носит философский характер.

Что <...> такое человек и в чем сущностный смысл его бытия согласно автору пьесы?

В философско-художественной интерпретации Горького человек — это своего рода универсум. Что это означает?

Во-первых, по Горькому, человек — это биологическое, материально-физическое, земное существо. В соответствии с этим в пьесе важное место занимают сцены изображения материально-физической (природно-биологической) жизни босяков. Говоря об этом «срезе» бытия героев, следует отметить, что оно явно ненормально и протекает в болезненных формах. Герои пьесы проживают в подвале, где нет нормальных (в физическом смысле) условий жизни, испытывают голод и холод, удел некоторых из них — постоянное пьянство и <...> пребывание на грани физической смерти. На протяжении всей пьесы «биология» человека-босяка выглядит во многом изуродованной, аномальной. Физические силы всех героев, по существу, расходуются впустую <...>. Хотя герои и тянутся к здоровому образу жизни, тяга эта остается тщетной. Весьма характерны не приводящие к положительному результату устремления Актера, Анны, Насти и др.

Уродливый, античеловечный характер «натуры» босяков четко просматривается через их слова-реплики, направленные в адрес друг друга: «Ты чего хрюкаешь?», «Эх вы, свиньи!», «То-то! Ах, псы!», «Ах баба... гадюка ядовитая», «Гляди-ко, звери какие?», «Околел... старый пес!»,

* Впервые: Горьковские чтения — 1993. Н. Новгород, 1994. С. 72–77.

«...бродячие собаки!», «Волки! Чтоб вам издохнуть! Волки!», «Сова проклятая...», «Становись на четвереньки, лай собакой!», «...ты мной живешь, как червь — яблоком!» и т.д., и т.п.

Во-вторых, для Горького как художника важен социальный срез человеческого бытия. Всем ходом пьесы Горький убеждает, что существующие социально-экономические отношения бесчеловечны, антигуманны. Об этом, в частности, убедительно свидетельствуют слова Сатина: «Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются... Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна... Когда труд — удовольствие, жизнь хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!» (VII, с. 119), а также суждение Пепла: «А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь — совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...» (VII, с. 120). Именно социальное отчуждение в значительной степени привело к тому, что представители разных общественных классов, групп оказались «на дне» жизни. <...> ...Социальный гнет продолжается и в костылевской ночлежке: босяки находятся под своеобразным игом владельцев ночлежки.

<...>

В-третьих, с точки зрения Горького человек есть некое метафизическое существо. Это означает, что человек — не только земное, но и духовно-вселенское, небесное, надысторическое явление, и этом отношении особую роль в пьесе играет образ Луки. Лука — это странник («проходящий... странствующий»), явившийся неизвестно откуда, как бы с того света. По словам Василисы, Лука — «проходимец. По характеристике Сатина — «кудесник, любимец богов», Само имя Луки говорит за себя (ведь, как известно, есть евангелие от Луки). По мнению Луки, все люди на земле странники. «Говорят, — слышал я — что и земля-то наша в небе странница» (VII, с. 123). Характерен в данном случае разговор между Медведевым (для которого земля не более, чем его участок) и Лукой.

«Медведев. В своем участке я должен всех знать... а тебя вот не знаю.

Лука. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоём участке поместилась — осталось маленько и опричь его...» (VII, с. 128).

В этом смысле человек есть существо, находящееся вне реального времени и пространства, существо экзистенциальное, иррациональное, и его бытие представляет собой некую вечную загадку, тайну.

Из этого следует, что жизнь человека, если ее ограничивать только сугубо земными интересами, земным (т.е. физическим, материально-экономическим) смыслом, то она никогда не будет полноценной и совершенной. Лука не случайно заявляет: «Обидно, значит, стало. Охо-хо! Сколько это разного народа на земле распоряжается...

и всякими страхами друг дружку страшает, а все порядка нет в жизни... и чистоты нет...» (VII, с. 127). Не случайно и то, что Лука берет в руки метлу, чтобы подмести мусор в ночлежке. Это в свою очередь является символом очищения всей земли, ее тела от всего лишнего и наносного, символом высшего, метафизического обновления земной жизни.

Т. о. образ Луки — образ-символ, по своему пафосу во многом позитивный. И здесь мы разделяем точку зрения И. К. Кузьмичева (см., например, его работу «Нравственные основы советской литературы». М., 1986. С. 40–43), согласно которой Лука вовсе не отрицательный герой, воплощающий собой ложь и сплошной обман, а герой, который в значительной степени, в частности, в нравственном плане, заслуживает имени положительного¹.

В-четвертых, Горький не ограничивается вышеуказанными аспектами в характеристике человеческого бытия и развертывает наиболее существенный, главный ракурс видения человека, его жизни. По Горькому, человек есть действительное, духовно-деятельное существо. Этот аспект понимания человека драматург связывает с образом Сатина — центрального героя пьесы. Образ Сатина — это в конечном счете образ человека, утверждающего себя через деяние (духовное возвышение). Сатин выступает на стороне Луки потому, что Лука является носителем «небесного», надэмпирического начала. Но это вовсе не означает, что Сатин является носителем только этого начала, для него существенна и земная, материальная сторона жизни. Философия Сатина — это не философия Луки. По словам самого Сатина, Лука подействовал на него, «как кислота на старую и грязную монету» (VII, с. 173). Сатин выходит за рамки философии Луки (его взглядов на человека) — религиозной философии, философии личного воздаяния и спасения через смирение — и ратует за действенное проявление человека, его индивидуально-неповторимого дарования и таланта. Мнение Бубнова «все люди на земле — лишние...» развенчивается Сатиным, по мысли которого всякий человек представляет ценность и заменимых людей нет. Если Лука — это олицетворение, воплощение некоего сверхреального, трансцендентального начала, то образ Сатина следует понимать как

¹ <...> ...Мотив известного оправдания Луки, его действий уже как бы слышится в образе Чиж в раннем рассказе Горького «О чиже, который лгал, и о дятеле, любителе истины». Чиж говорит: «Я солгал, да, я солгал, потому что мне неизвестно, что там, за рошей, но ведь верить и надеяться так хорошо!.. Я же только и хотел пробудить веру и надежду, — и вот почему я солгал... Он, дятел, может быть, и прав, но на что нужна его правда, когда она камнем ложится на крылья?»

обоожествление человека, как «трансцендентирование, но без трансценденции» (Э. Блох). Для Сатина (читай, для Горького) важна идея человеческого созидания, внутреннего преобразования человека, его развития на основе творческого созидания. Мотив утверждения полноценного человеческого труда (в противоположность работе) звучит в словах Пепла: «Не люблю его (Клеца. — М. М.)... больно он зол да горд. (*Передразнивая Клеца.*) “Я — рабочий человек”. И все его ниже будто... Работай, коли нравится... чем же гордиться тут? Ежели людей по работе ценить... тогда лошадь лучше всякого человека... возит и молчит!» (VII, с. 156). Вот почему Сатин разделяет слова Луки по поводу его вопроса: «Дед! зачем живут люди?..» «А — для лучшего люди-то живут, милачок! Вот, скажем, живут столяры и все — хлам-народ... И вот от них рождается столяр... такой столяр, какого подобного и не видала земля» (VII, с. 173).

Если для Луки все в итоге зависит от бога, точнее, от веры в бога, то для Сатина от человека, веры в человека, «веры в себя» («все начала и концы» в человеке: «Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное дело его рук и его мозга!») (VII, с. 177). Горький, следовательно, подобно Софоклу, славит активность человека:

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет на свете ничего.

Образ Сатина — это образ, символизирующий и утверждающий в человеке гармонию телесного (земного) и небесного (духовного) в процессе созидания новой жизни. Сатин потому-то и говорит Барону, что человек должен быть сытым, но «человек выше! Человек — выше сытости!..» (VII, с. 177).

Горький верит в человека, в его силы и возможности самоутверждения и самовыражения («Человек рождается для лучшего»). Причем личностное самоутверждение, самоуважение человека, по мысли Горького, не противостоит людям, человеческому роду. Напротив, человек — это не изолированная монада, не абстрактный индивид, а существо, находящееся в единстве со всем миром. Вспомним Сатина: «Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (*очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека*). Понимаешь? Это огромно! В этом — все начала и концы...» (VII, с. 177). Для Горького, следовательно, важна проблема гармонизации человека как с миром, так и с самим собой.

Горьковская концепция человека несовместима с ограниченным пониманием человека философией прагматизма (человек рассматривается

как сугубо биологическое, материальное явление), а также и философией экзистенциализма (человек одинок и бессилен перед миром, жизнь человеческая абсурдна и бессмысленна).

Взгляд Горького-художника на человека глубок и многосторонен. Согласно Горькому, жизнь человеческая обретет истинный смысл лишь тогда, когда люди научатся сочетать биологические потребности и социальные, материально-экономические интересы с интересами духовными.

Всем содержанием пьесы Горький убеждает, что полноценность человеческого бытия зависит не только от внешних (природных и общественных) условий, но и от самого человека, его духовного содержания, совершенствования «силы своего духа».

Горький ставит проблему «преодоления» человеком самого себя (его зоологического начала, социальной и метафизически-религиозной ограниченности) через духовное возвышение, через покорение «внутренней вершины». Только благодаря последнему откроется простор для проявления человека как свободного, целостного, природно-социально-духовного существа. Думается, именно в этом кроется непреходящее философское значение пьесы М. Горького «На дне».

